

Ф. К. АРНОЛЬД

Свое и чужое

Есть люди, от которых исходит какой-то постоянный ровный свет. Они принадлежат всем и никому в частности. В течение минуты стоило мне подумать, что там, где-то, живет Макс, странствует или сидит в своем Коктебеле, пишет стихи, — как мне уже становилось легче, словно луч пронизывал сгустившийся туман. Такие люди всегда идут за своей звездой, делают в жизни то, что хотят делать. Как и мы, они по-разному относятся к разным людям, но исключительной нежности, ревности, страдания от невнимания или бурной радости при встрече — не испытывают в той мере, как мы. Их интересы, в общем, выше личных интересов большинства людей, их призвание заставляет их как бы смотреть вдаль, поверх повседневных мелочей жизни. «Близкий всем, всему чужой»¹, — говорит о себе Макс в одном из своих стихотворений.

Мы были с ним хорошими, настоящими друзьями; ни одна тень недо-разумения никогда не проскользнула между нами. Он радовался, встречая меня, участливо расспрашивал о моих делах. Но всегда я чувствовал его существо переполненным какими-то иными образами, мыслями и чувствами, в сфере которых мало оставалось места для житейских волнений, которые переносили мы, для тех блуждающих огней, которые манили нас, для того, что засоряло нашу жизнь, — из радостных делало нас угрюмыми, из доверчивых — подозрительными...

Макс не читал газет, хотя все, что делалось на белом свете, конечно, хорошо знал, так как был очень общительным человеком. Интересы его были выше интересов текущего дня, мелочи и мелкие чувства как бы сгорали в огне его души. Вместе с тем он был совершенно противоположен типу отшельника. Весь свет был полон его знакомыми. Толстый и легкий, как большой резиновый шар, перекачивался он от одного к другому, и все неизменно радовались его приходу. Весь век он странствовал и обошел пешком и объехал всю Европу. Недаром его классическое стихотворение касается дороги, передает ритм и стук колес вагона...²

Франция, Испания, Греция, острова Средиземного моря — были последовательными этапами его странствий. Искусство этих стран наполняло, обогащало его талант. Без всякого подражания он просто впитывал и перерабатывал в себе источники вечной красоты.

Особенностью таких людей, как Макс, является то, что без всякого усилия они идут в жизни своим путем, не отклоняясь в сторону. Множество русских интеллигентов делали не то, что хотели бы делать. Судья, неохотно занимающийся своей службой, превращается вечером в прекрасного скрипача; железнодорожник с увлечением занимается астрономией... «Рабы, мы ниву жизни пашем и горечь жизни пьем до дна», — писал я когда-то. Но я знал и других людей. Они легко, как нечто само собой разумеющееся, отмели от себя все, что кажется необходимым и к чему стремится большинство людей, — деньги, власть и т. д., и прошли по жизни танцующей походкой, избранники судьбы, соль земли, ее гордость и украшение. Таким был Макс — и таким он останется в памяти всех, кто знал и любил его.

